

IV

ЧЕТВЕРТЫЕ

18+

АЭЛИТА ЯСИНА

Аэлига Ясина

Четвертые

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54071161

SelfPub; 2023

Аннотация

Каково это, быть участником апокалипсиса? Кошмарно, я вам скажу. Потому что, когда на твоих глазах экспериментаторы уничтожают население планеты, а города превращаются в кладбища.... Это не просто страшно.

Просто Вселенная наделила тебя четвертой группой крови, как и остальных оставшихся в живых. А экспериментаторы, угробившие весь мир, желают поиграть с тобой в кошки-мышки, а если ты перестанешь упрямиться и примешь их правила игры, тебя ждет незабываемая жизнь раба под тотальным контролем. Играешь?

Содержание

Введение	4
1	8
2	15
3	18
4	22
5	27
6	30
7	36
8	41
9	45
10	49
12	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Аэлита Ясина

Четвертые

Введение

За миллионы лет эволюции человеческая популяция претерпела серьезные изменения. Со временем на Земле появлялись новые расы, новые отличающиеся от прежних нации. Из дикого, полуголодного существа человек превратился в сверхразвитый интеллектуальный индивид, подчинивший себе природу. Люди распространились по всей планете, покорили космос, окружили свою жизнь мыслимым и немислимым комфортом.

Но обществом людей всегда кто-то управлял. Старейшины, короли, лидеры, полководцы, те, кто возглавлял человеческие объединения, имели много имен. В наши дни существует теория, что миром правит группа очень богатых и влиятельных людей – теньевые кардиналы человечества (так называемые масоны).

С развитием науки и техники, неотступно шагая рука об руку с развивающимся обществом, развивалась и медицина. Изучая человеческую природу, чтобы помочь ей справиться с любым недугом, по разным данным в 1891\1900 годах, выдающимся австрийским ученым Карлом Ланштанейром бы-

ли открыты три вида крови. Чуть позже им и его коллегой была открыта еще одна, четвертая группа крови. Самая распространенная на Земле – это первая группа, она же и самая древняя, а самая редкая – четвертая, она самая молодая. С годами, основываясь на наблюдениях за людьми четвертой группы, ученые стали приходить к выводам, что те отличаются от других: меньше болеют, легко усваивают пищу, обладают необыкновенной интуицией и выносливостью.

Окружающий мир, который истощала пагубная активность человека, стремительно менялся, людей становилось все больше, а ресурсов все меньше. В загрязненном, полном отходов мире, в условиях начавшегося глобального потепления, разрушении озонового слоя, вредных продуктов как растительного, так и животного происхождения, отравленной химикатами воды, страдало здоровье представителей первых трех групп. Четвертые, даже потребляя генетически измененную пищу, чувствовали себя превосходно. Так родилась теория, что со временем представители четвертой группы заместят собой все остальные и дадут жизнь новой расе сверхлюдей. Разумеется, подобный процесс займет в природе столетия, если не произойдет крупных природных катастроф, могущих унести жизни миллиардов людей.

В 20... году в результате таяния одной из полярных шапок в Мировой океан попала бактерия, законсервированная до этого в течение миллионов лет. Жертвами вспыхнувшей эпидемии стало более десяти миллионов людей по все-

му миру. Что совершенно предсказуемо, среди них не было ни одного представителя четвертой группы крови. Четверогруппники отнюдь не сверхлюди и подвержены заболеваниям наравне со всеми, они могут подхватить простуду, грипп, энтеровирус и прочее, просто в более легкой форме, чем остальные группы. Их организм выводит яды, полученные с пищей, в отличие от представителей других групп, в организмах которых они оседают. Защита четвертых – их кровь.

По прогнозам ученых, в ближайшие 100–200 лет Земля разогреется на шесть градусов, что вкупе с общим потеплением внешней среды приведет к таянию вечной мерзлоты. В толще многовекового льда ждут своего пробуждения сотни вирусов и бактерий, против которых нет защиты ни у кого на планете. Но это событие все же носит характер гипотетического и совершенно неконтролируемого, в отличие от...

Всем известно, что природу можно подстегнуть, так же, как и то, что огромным количеством людей сложно управлять. Жажда власти, даже у искушенных людей, сопряжена с желанием новизны. Почему бы самим не создать новое человечество? Почему бы не стать теми, кто будет его контролировать, наблюдая за поистине вселенским экспериментом? Почему бы не стать творцами? В руках тех, кто имеет безграничную власть и бесконечное финансовое могущество, нет ничего невозможного. Все приедается, но новизна Власти бесценна. Тотальный контроль за новой расой? Устрой-

ство мира по своему желанию? Общество, функционирующее по твоим законам? Отличное лекарство от скуки. Природные процессы всегда можно ускорить, многократно превысив количество вредных веществ и генетически измененных продуктов. Люди начнут гоняться за экологически чистой пищей, но любой сертификат всегда можно купить. Человечество станет врагом самому себе. Пройдет несколько лет, когда организм людей уже не сможет справляться с патогенными элементами, и тогда произойдет пищевой апокалипсис.

1

Из зеркала, хлопая глазами, на меня смотрит синеглазая брюнетка, совсем не бледная. Ладно, видимо, бледность мне не свойственна. Пора уходить, в прихожей полутемно – еще рассвет. Итак, мне двадцать четыре, я Ева и я абсолютно одна. Буквально. Всего пару дней назад у меня было свидание с Борей. Он топ-менеджер и просто Топ. У него стильный офис, шикарные костюмы, каждый день он на переговорах, где ведет себя всегда одинаково. Сидит во главе огромного стеклянного овального стола и... играет сам с собой в крестики-нолики. Иногда он отвлекается и смотрит на коллег, а потом снова утыкается в свой блокнот.

В центре прихожей стоит моя небольшая дорожная сумка с самыми необходимыми вещами. Я оглядываю пустую трехкомнатную родительскую квартиру, где наша семья жила всю жизнь. Единственное место в мире, где я чувствовала себя в безопасности и где мне всегда было хорошо. Наверное, мы уже никогда не сможем сюда вернуться.

Итак, Боря. Позавчера он умер. Мы пошли гулять. Он вдруг упал на ровном месте и так и остался лежать в своем костюме на сером асфальте пустой улицы. Из его рта текла алая струйка крови, а глаза так и остались открытыми, в них отражались облака... Вокруг не было ни одного человека, живого в смысле. Я бегала – кричала, искала помощь, но...

В Москве, как оказалось, уже почти не осталось людей. Это был второй, предпоследний день мора. В первый же, вообще никто ничего не понял.

Выйдя из квартиры, закрываю ее на ключ, что совершенно бессмысленно, и жму на кнопку лифта. Она не горит. Ну конечно! Ничего ведь уже не работает. Но мы, люди, как роботы, как механизмы, рабы своих многолетних привычек, с зафиксированными в мозгах рефлексамии действий. Я распахиваю дверь и бегу по лестнице – с десятого на первый. Темнота, хоть глаз выколи, но я знаю эту лестницу как свои пять пальцев. Здесь в раннем детстве на меня напали хулиганы, отобрали карманные деньги и рюкзак. Папа тогда очень переполохнулся и попал в больницу с давлением. С того раза, если меня некому было встретить или проводить, я оставалась дома. Это вызывало насмешки одноклассников и друзей. Непонимание. Я стала оставаться дома все чаще, вначале было грустно, что никуда не сходить, но потом я освоила компьютер и уже сама особо не хотела куда-либо выходить. Так и росла, год за годом отрешаясь от людей. Общение со сверстниками мне заменили компьютеры и, как показала практика, они оказались намного более верными друзьями, чем люди.

Я замираю посреди лестницы, на меня вдруг накатывает волна какого-то иррационального страха. «А если это все же ошибка, если дело не в группе крови, что стало причиной мора?» Я бегу скорее вниз.

Недавно я узнала, что людей с четвертой группой крови на Земле шесть процентов. Я не поверила, когда Инна сказала, что только мы выживем...

...Это было в кафе два месяца назад. Инне двадцать восемь, она считает себя продвинутой в духовной и изотерической сферах. Она практикует йогу, голодные недели, общение только с «чистыми» людьми и разные практики по избавлению от всевозможных страхов. У Инны короткие рыжие волосы, зеленые глаза и она немного пацанка.

Я пила травяной чай, а она как обычно ела. Как сейчас помню: картошка фри, морковные палочки фри и батарея соусов на выбор. Она обмакнула морковную палочку в сырный соус и продолжила:

– Только мы выживем при пищевом катаклизме.

– Чушь, – равнодушно заметила я.

– И мы застанем это время.

– Ерунда.

Инна обмакнула картошку фри в кетчуп и, смачно жуя, сказала:

– Короче, если захочешь, всегда сможешь к нам присоединиться.

– Я псих-одиночка.

На этом мы тогда и закончили.

...Первый этаж! Лестница закончилась.

За распахнутой настежь дверью – потерявший движение воздух. Солнце закрыто серой завесой, никого... На стоянке у дома полно машин. У нас обычная многоэтажка в спальном районе, такие во всех мегаполисах. С аптекой и банком на первом этаже, с магазином «24 часа».

Вчера мор закончился, в ночной отчаянной попытке найти живых людей я столкнулась у помойки с бомжем в зеленой шапочке. Он и сказал мне, что это конец, что мор так и «работает» – стремительно, не оставляя за собой никого. Вокруг множество открытых магазинов, домов и квартир, но словно следуя заложенной программе поведения, этот переживший мор человек, что-то ищет именно в помойке.

P.S. Мор – повальная, массовая смерть, в Древнем Риме так звали одного из богов с соответствующими функциями.

Только после этой встречи мое сознание впустило в себя информацию и смысл происшедшего, что нужно срочно действовать, что ничего само не наладится. Что это были не три дня чего-то непонятного, но поправимого, а три дня смерти нашего мира.

С высоты открывается пугающая панорама города. Пустые улицы, брошенные машины, сошедшие с рельс трамваи, столкнувшиеся и еще дымящиеся грузовики. Ничего не работает, огни не горят, некому нажимать и переключать кнопки, чтобы все функционировало. Хотя кое-где из ТЭЦ

еще идет дым, без людей доживает свое время неуправляемый никем механизм. И самое чудовищное – кругом трупы, очень много трупов: на улицах, в помещениях, везде, где закончилась жизнь каждого конкретного человека. Воздух города буквально пропитан запахом смерти и... разложения.

Ноги сами ускоряют шаг, и я подбегаю к папиной машине. Вожусь с замком – руки трясутся. Фуф! Насколько же проще с компьютерами! Они не только мои друзья, они моя работа и, виртуальный мир намного интересней и честней нашей реальности. Я создаю программы защиты, можно сказать, живу в них. Наверное, я интроверт и социопат.

Открылась, наконец-то! Сумку запикиваю назад и падаю на водительское сиденье.

Все случилось в три дня. Как я понимаю, во всем мире. Смерть заставала кого где: за столиком в кафе, за штурвалом самолета, в душе... на самом деле никто даже понять ничего не успел. И я, пока не осталась одна.

Противный звук: Пчих – Пчих. Ну давай, ну, пожалуйста! Не заводится... Боже, я любой компьютер могу починить, а с этим механизмом не справиться! Божечки, что же делать-то? Надо выбираться отсюда. Раньше меня раздражали люди (точнее, их общество), а теперь – их отсутствие. Мертвый мир, где ты живой один, – очень страшный. Сейчас я, пожалуй, согласилась бы на компанию любого живого человека, не знаю, правда, на сколько бы меня хватило...

Так значит, аккумулятор за эти дни, видно, сел. Надо при-

курить. Разумеется, у папы в бардачке провода. Я аккуратно-ненько прицепляю их к аккумулятору. Вроде все правильно, у меня фотографическая память – папа именно так и делал. Теперь нужно найти открытую машину. Бегу по парковке: одна, вторая – дергаю, закрыты. Третья, четвертая – то же самое. Тонированный Land Rover – здесь точно ничего не светит. Я механически дергаю ручку и не успеваю ойкнуть от радости, что дверь открылась.

– АААА! АААААААА!

Из машины на меня вываливается коротко стриженная тяжелая мертвая блондинка! С криком я убегаю прочь. Меня трясет так, что земля ходуном ходит. Тяжело дыша, сижу за папиной машиной.

Родители на Алтае, сестренка в летнем лагере, а я в городе, полном трупов. И я обязана найти и спасти свою семью! Несмотря ни на что! Они единственные в мире люди, которых я люблю. Единственные, за кого отдам свою жизнь. Но только когда вокруг умер мир, я поняла, как сильно нуждаюсь в них.

Набравшись храбрости, но трясясь от страха, я двигаюсь к машине мертвой блондинки, и хоть стараюсь не смотреть на нее, но все же приходится, мне ее не обойти. Почему-то бросаются в глаза очень длинные и очень черные нарощенные ресницы, по-детски удивлённое выражение лица. Это невыносимо! Я делаю глубокий вдох, переступаю через блондинку и сажусь в ее машину. Rover, мягко урча, заводится, салон

обдает свежей прохладой из кондиционера. На торпедо ма-
хает крылышками красная бабочка. На секунду... На мгно-
венье... Возникает искушение уехать на этой машине. Я на-
много быстрее доберусь до «Радуги». Но... не брать чужо-
го вбили мне в голову в детстве. Я даже не подозреваю, что
очень скоро большинство моих убеждений радикально из-
менится.

2

Дорога пугающе пуста, даже придорожная листва и та шелестит пугающе! В городе остались живые люди, но нам друга не найти. Ничего не работает, на мобильном нет зоны. Если Инна говорила правду, а все указывает на это, помощь я смогу найти только у нее и ее друзей в изолированном поселении «Радуга», где живут только четверо группники, которых мор, естественно, не коснулся. В ста пятидесяти километрах от Москвы.

К сожалению, мне одной не справиться, не отыскать ни родителей, ни Лесю. У них вся надежда на меня, и чем скорее я найду помощь, тем больше у них шансов выжить. Родители еще продержатся пару дней, а сестренке помощь нужна немедленно! Ей всего семь, она очень нежный и хрупкий ребенок. У нее кудрявые светлые волосы и синие глаза и еще она очень общительна в отличие от меня. Каково ей одной в лагере, полном мертвых друзей и вожатых?

Машина пролетает по пустым улицам, мимо светофоров без привычных мигающих огней. Если бы не было так страшно, то было бы смешно. Не переносящий общество человек едет за помощью к людям. За помощью! Я ведь убежденно верю в один-единственный постулат – каждый сам за себя. А теперь несусь в глухую глушь к сектантам (по многим признакам это именно секта, а не община, как они себя называ-

ют).

– О, нет!

Я торможу с такой силой, что бедная машина протяжно-жалобно скрипит.

– Дусенька!!!

Перегнувшись через спинку, лихорадочно открываю свою дорожную сумку на заднем сиденье, оттуда, скорбно лупая глазками, на меня смотрит Дуся и, виляя своим лысым хвостиком, прыгает ко мне на коленки.

– Иди ко мне, мой сладкий!

Дуська тыкается своим мокрым пяточком мне в щеку, мой милый белый в крапинку макро-пиг. Как я могла забыть о ней?! Она еще совсем ребенок весом в один килограмм.

– На, маленькая, держи, – я протягиваю ей порезанное на дольки яблоко, она счастливо хрустит.

Выдохнув, мы едем дальше. Дуська на соседнем сиденье планомерно уничтожает яблоки и вращает головой по сторонам.

Мне вдруг стало одиноко, я лишилась своего привычного мира, вообще всего лишилась. Впервые в жизни мне плохо одной еще и потому, что теперь я целиком завишу от других людей, не могу все одолеть сама. «Это временно», «Да, нужно просто это пережить, а потом все наладится, главное найти Лесю и родителей, я так боюсь за них!»

Пиииииип! Значок бензобака на торпеде тревожно мигает.

– Этого еще не хватало...

Впереди маячит заправка. Я подъезжаю и не могу заставить себя выйти – умираю от страха. Смотрю на Дусю, она на меня. Ее вера в меня придает сил. И еще... очень хочется в туалет.

Тихо. Ни огонька. Ни души кругом. Черные окна без света, открытые настежь двери. Оглядываясь, вхожу – никого, к счастью. Так, вон там туалет, вторая дверь, отлично, открываю и... мертвый мужчина на унитазах: голова запрокинута вверх, невообразимые розовые семейные трусы и невыносимая, тошнотворная вонь. Медленно, мелкими шажочками назад, я пячусь. Надо привыкать, он не последний, не последний и... всегда есть кусты!

Дуська уснула, я сгрызла три банки чипсов и выпила литр колы, но бензин мне не достать! Электричества нет – колонка не работает, я все перепробовала. Что еще делать, не знаю. Оглядываюсь вокруг, может, угнать какую-нибудь машину? Хотя... Ну конечно... дурочка! Хватаю на заправке две самые большие канистры и несусь к машинам: вскрыть бензобак – не проблема! Скоро мы с Дуськой наконец-то доберемся до живых людей. Бензин бодро льется, солнце заходит, выглянув из-за машины, вижу Дусю, бдительно наблюдающую за мной сквозь стекло. Мы выкрутились!

3

Мы с Дусей решили размять ножки-лапки: я приседаю, она бегает вокруг по траве. Сумерки окутывают редкий лес рядом, неуютно, но ночевать придется здесь, в любом случае тут безопаснее, чем на заправке. Из фильмов про апокалипсис я отлично помню, кто остается в живых: жестокие люди с сорвавшимися крышами от вседозволенности. Мародеры, насильники, продолжать страшно.

Резкий, оглушающе громкий звук заставляет нас с Дусей подпрыгнуть, то есть Дуся подпрыгивает, а я от неожиданности падаю, не доделав приседание.

– Черт подери!

Дуся запрыгивает мне на ручки.

– Что это?!

Я нервно оглядываюсь, кругом никого, эхо странного звука затихает вдали. С Дусей на руках я запрыгиваю в машину и нервно завожу мотор.

– Страшно, блин, одной!

– *А не страшно, что все умерли? – иронично глядя на меня, спрашивает Инна.*

– *Это жизнь.*

Образ Инны, жующей розовый зефир, испаряется. Я газую

и уезжаю. Я не циник, но все уже свершилось, и никто не в силах ничего изменить!

...Мы с мамой разговаривали на кухне, стоя друг напротив друга. За окном к дереву накрепко приколочен сооруженный папой и раскрашенный Лесей скворечник. На подоконнике громоздятся всевозможные горшки с цветами и растениями – мамино увлечение. У меня в руках пузатая оранжевая кружка с чаем. На плите что-то аппетитно скворчит и дурманит ароматом. Мама очень любит готовить и постоянно всех нас балует. Она примирительно улыбается мне.

– Мам, что ты от меня хочешь? У меня хорошая работа, я сама себя обеспечиваю. Скоро съеду от вас, раз тебя это беспокоит!

– Доча, я вовсе не хочу, чтобы ты съезжала. Но ты из дома почти не выходишь, ни с кем не встречаешься. У тебя даже подруг, кроме Инны, нет.

– Но меня это устраивает! Мой мир – это я, других здесь нет!

– Ева... Доченька, родная. Ты же живешь среди людей и ведь в твоём мире есть ещё мы, твоё семейство. И мы были бы очень рады, если бы ты вышла замуж. Боря – отличный парень.

– И зачем?

Я ставлю кружку на стол с явным намерением покинуть кухню.

– Чтобы потом друг с другом носиться как вы с отцом? Трястись над детьми, вдруг что случится? Вы мне в родственники достались судьбой, а людей я не выношу! Строить здоровую ячейку общества – не для меня!

– Ева...

– Я псих-одиночка. Точка.

С гордо поднятой головой, но очень быстро я исчезаю из кухни, упреждая явное мамино желание продолжить разговор.

«...Почему так холодно дома?» – сонно думаю я, кутаясь в куртку. Дуська сладко сопит рядом. С трудом открываю глаза: мы с малышкой свернулись калачиком на заднем сидении... Всего лишь сон... при таких разговорах я всегда от нее сбегала, а сейчас все бы отдала за то, чтоб рядом постоять, все бы выслушала. Машина легонько вздрагивает, заставляя меня проснуться. Остатки «домашнего» сна окончательно выветриваются из головы.

– Что такое?

Дуся не реагирует, продолжая спать.

Сонно моргая глазами, я ползу к переднему сиденью, тьму за окном немного рассеивают оставленные включенными фары. Какие-то цокающие звуки, я перебираюсь на переднее кресло. Странный силуэт замер на капоте.

Я тянусь ближе к стеклу.

Внезапно в него клювом бьет огромная сова. Я с визгом

перепрыгиваю назад и пытаюсь спрятаться, схватив ничего не понимающую со сна Дусю. Сова улетает, издавая пронзительный крик. Я сворачиваюсь в комочек и натягиваю на голову капюшон, Дуся уютно устраивается сбоку.

– Е*тить... похоже, я начинаю любить людей.

4

Новое утро встречает нас подозрительным покоем и тишиной. До цели X – двадцать километров. Машина резво едет по лесной дороге. Солнечные блики снуют по стеклу. Дуся безмятежна, мое же настроение – хуже некуда. Я хмуро шурю глаза, у меня зависимость. Кофе. Его пьянящий аромат изводит воображение, все бы отдала за одну кружечку кофе, любую. Зашла бы даже в полную трупов придорожную заправку. Но на оставшемся участке пути ничего нет. Иннины друзья потому и выбрали это направление – подальше от людей и цивилизации.

Деревья становятся реже и реже и, тихо шурша гравием, машина выезжает к реке.

Я оглядываюсь по сторонам: справа и слева картина одинакова – кругом вода.

– Это как так?

Я выхожу из машины – воздух одуряюще свеж и чист. Передо мной, безусловно, река, но очень-очень мелкая, вряд ли вода дойдет до щиколотки. Крупные камни покрывают дно, чистая водичка резво бежит между них. До берега рукой подать, сразу от воды начинается посыпанная гравием дорога. Видимо, так здесь и перебираются.

Оглядев машину, я прихожу к выводу, что несмотря на свой непрезентабельный вид она вполне способна пересечь

это препятствие. У нее полный привод и мощный движок. Это не проблема. На YouTube я видела действительно экстремальные водные переправы, а тут – сущий пустяк. Звуки леса немного нарушает едва заметный, ни на что не похожий инородный шум. Я не задумываюсь об этом, мало ли что может быть в природе. Я ведь никогда не была в походах, только в виртуальных.

Оптимистично развернувшись, иду к машине и застываю на полдороги. Огромная собака, рыча, не сводит с меня глаз. Я стою на месте. Знаю, нельзя двигаться и делать резких движений. Собака рычит и роет лапой землю. Я стою. Шум нарастает. Не сходя с места, собака начинает свирепо гавкать, заходясь в крике.

– Тише... Тише... мы сейчас уедем.

Вытянув руки вперед, я делаю шаг к машине. Собака замолкает. Я останавливаюсь – она начинает рычать. Что такое?

– Сейчас, сейчас.

Медленно двигаюсь к открытой двери. Собака стоит и молчит. «Как будто загоняет меня в машину. Зачем?» Едва различимый ранее шум становится громче. Собака, обнажив клыки, рычит и погавкивает. Я молниеносно запрыгиваю в машину и захлопываю дверь. Тяжело дыша, смотрю на Дусю, она как-то тревожно глядит на меня и повизгивает.

– Что происходит?

Не сходя с места, собака заходится лаем, я отворачиваюсь

от зеркала и газую. Машина въезжает в речку. Тряска, везти невозможно, колеса соскальзывают на камнях. Мы глохнем. Завожу машину, рывками, но медленно едем.

Издав ужасающе скрипучий звук, Skoda замирает на месте и отказывается двигаться дальше.

– Ну что же такое?

Я выворачиваю колеса и давлю на газ, так и так, вперед – назад, все бесполезно!

Нужно проверить, на что мы налетели.

Распахнув дверь, выскакиваю из машины и сразу поскальзываюсь, еле успев схватиться за дверь. Собака стоит на берегу у воды, смотрит на меня и заходится лаем. Не могу понять, что не так, но явно что-то не так. Кругом стоит оглушающий грохот, ногам холодно и мокро. В отупении я замечаю, что вода выше колена. Она бурлит. «Как так? Как же теперь рассмотреть, на что мы налетели?». Странно, машина двигается, ее словно сносит, мягко, но сносит. Тут я замечаю, что Дуся уже давно отчаянно визжит на своем сиденье. Я прыгаю в машину: раз отнесло, значит мы слезли с преграды.

– Сейчас, малыш.

Газую – ничего не происходит, внутрь просачивается вода. Я жму и жму на газ, но машина плавно смещается с водой. Дуся, не переставая, вопит, я растерянно поворачиваюсь к ней и замечаю нечто необычное. Поднимаю глаза.

Там, на горизонте, совсем близко к нам, по руслу самой мелкой речки на свете, с чудовищной скоростью движется

огромная стена воды.

Схватив в охапку Дусю, я вылетаю из машины и бегу к берегу, по колено в воде. Краем глаза замечаю на том берегу убегающую в лес собаку. В воздухе вода, везде вода.

Поскальзываюсь, Дуська едва не падает, запикиваю ее за пазуху. Еще чуть-чуть, еще немного! Шум оглушает, водяная взвесь не дает дышать. Кое-как я выбираюсь на берег и несусь сломя голову, машину за моей спиной сбивает вода и та, кувыркаясь, скрывается в бурлящем потоке.

А следом за ним – водная стена. Я бегу сквозь лес, ветки бьют по лицу, нам не успеть, я знаю, не успеть, на бегу выдергиваю из джинсов ремень, крепко перепоясываюсь, чтобы Дуся не выскользнула, и падаю на землю, ухватившись за ствол дерева. Нас накрывает ледяной поток. Зажмурившись, отчаянно держусь. Только бы воздуха хватило! Течение пытается оторвать меня от дерева, руки скользят. Кажется, вот-вот и все, нас с Дусей унесет, разбив о камни. Рука скользит по мокрой древесине и... внезапно все заканчивается.

Я обнаруживаю себя насквозь мокрой. Спертый в легких воздух с хрипом вырывается наружу. Бешено вращая глазами, оглядываюсь по сторонам: остатки воды текут вокруг, собираясь в ручейки. Дуся настойчиво пытается вылезти из-под кофты. Я расстегиваю молнию: сиротливо вздрагивая, она тыкается в меня своим пяточком. Напугалась, бедняжка. Если бы та собака не торопила меня, нас бы смыло ко всем чертям, и мы бы не попали на этот берег.

Дорогу размыло, хрупкие деревья вырвало с корнем или сломало. Нам с Дусей осталось еще километра три: без еды, воды и машины. В насквозь мокрой и противно липнущей к телу одежде, в мерзко хлюпающих кроссовках. Но солнце светит, значит я скоро высохну. И мы живы!

Что же это такое было?

Дамбу прорвало. Так случается, когда построенное людьми никто не контролирует. Но, безусловно, мне лично о дамбе ничего не известно.

Намек на тропинку вьется среди деревьев. Невыносимо хочется есть и пить, одежда так и осталась влажной и оттого мое тело покрылось мурашками легкого озноба. Мозг отупел и плохо фиксирует дорогу, я не знаю, сколько мы прошли и сколько еще осталось. Дуся свернулась калачиком в капюшоне и не высовывается – умаялась. Малодушно думаю, что мы никогда никуда не дойдем, в теории это было намного проще.

Я останавливаюсь, чтобы просто подышать, хотя знаю, что так лучше не делать, – я так устала, что неодолимо тянет в сон. Один глубокий вдох, еще один, все – в путь!

Под ногами поросшая редкой травой земля, над головой поют птички. Я шагаю как робот, тропинка огибает холмик. Я замираю.

Против воли из глаз катятся слезы облегчения и, упершись спиной о ствол дерева, я медленно съезжаю на землю. Прямо по курсу – высокий, наверное, метра три, зеленый забор. Дошли, Господи. С трудом оторвавшись от дерева, встаю и подхожу к ограждению. Похоже, без приглашения сюда не войти: нет ни ворот, ни намека на вход. И в какой стороне его искать, совершенно не понятно. Доверяясь интуиции, плетусь направо, при достижении цели силы меня враз покинули. Забор нескончаем, будет так нелепо, если

наша с Дусей жизнь закончится в паре метров от входа, а мы никогда об этом даже не узнаем. Малодушие особо сильно перед финалом – это я знаю точно и упрямо тащусь вперед. Шаг за шагом, минута за минутой, и наконец что-то меняется в зеленом рисунке.

– Пришли, Дусик.

Дуся выглянула из капюшона и вернулась обратно, у малышки от голода и холода совсем не осталось сил...

Перед нами ворота, разумеется, крепко закрытые и, судя по исполинским размерам, ведущие в деревню великанов. Я стучу, звук получается такой, что даже мышь не услышит. Молочу обеими кулаками:

– Эй! Кто-нибудь!

Безрезультатно. Начинаю бить руками-ногами. Боже, как же до них достучаться?! Тяжело дыша, оглядываюсь вокруг – вот то, что нужно! Хватаю огромный сук и что есть мочи молочу по воротам.

– Эй!

В приступе избиения ворот я не сразу обращаю внимание на крик.

– Эй! Шуметь-то хорош!

Остановившись, верчу головой, пытаюсь понять, кто со мной говорит.

– Звонок же есть, – продолжает голос.

Сверху с наглой ухмылкой на меня взирает парень лет двадцати, весь увешанный фенечками.

– Звонок?

– Ну да, – кивает он куда-то вниз.

Я внимательно смотрю перед собой.

– Левее глянь, – подсказывают мне сверху.

Ну конечно... обычный такой звонок, с красной кнопкой посередине. Моя голова сама по себе задумчиво склоняется к плечу.

Бессмыслица.

– Ты кто вообще-то?

– Ева, подруга Инны, – представляюсь я, по-прежнему неотрывно глядя на звонок.

– Ну ладно, заходи.

Удивительно легко и совершенно беззвучно ворота открываются.

Через пару метров от входа начинается поселение, представляющее собой хлипкие, несерьезные хижины. «Как они зиму переживут?» – равнодушно всплывает в голове. Навстречу мне, будто только вчера расстались, жуя зеленое яблоко, бодро шагает Инна.

– Привет, френд!

Мы обнимаемся.

– Ин, тут такие дела.

– Знаем, ждали тебя немного раньше. С тобой все ок?

Я устало киваю. К нам подходит молодой человек, весь лохотный (так выбрит, что кожа блестит), он странно смотрится в этой неформальной обстановке.

– Это Дима, – представляет подошедшего Инна, – наш самый главный после главного. Идеально-безукоризненная улыбка Димы способна вызвать отчаянную зависть у оставшихся в живых голливудских звезд.

– Добро пожаловать, Ева! Инна много о тебе рассказывала.

– Добрый день. Спасибо, что приняли меня.

– Идем, – командует Инна.

Мыдвигаемся вглубь поселка, здесь и дальше уже стоят хорошие деревянные дома. Много срубов, а справа чуть ли не изба с печной трубой – тут обосновались всерьез и надол-

го. На каждом доме солнечные батареи, а вдалеке просматриваются ветряки.

– Ин, по правде мне нужна помощь.

Дима бросает быстрый взгляд в мою сторону.

– Это видно. Потерпи пять сек, щас накормим и отдохнешь.

– Я не об этом...

– Успеется. Яблоко хочешь?

Она протягивает наполовину съеденное яблоко. При его виде желудок сводит голодный спазм: откусив от всей души, я замираю, почувствовав жалобное дыхание в ухо. Голодная Дусенька учуяла еду. Без сожаления отдав ей яблоко, я наслаждаюсь звуками самозабвенного хруста.

– О! Пига своего прихватила.

– Куда я без нее? – отвечаю с набитым ртом.

Дима оборачивается ко мне:

– Нужно представить тебя нашему лидеру. Он решает, кто с нами может остаться.

Разные люди проходят мимо, но никто не обращает ни на кого внимания.

– Хорошо.

Навстречу движется высокий сероглазый блондин с серьезным лицом. Наши взгляды встречаются, что-то екает у меня внутри, будто когда-то мы уже виделись, хотя, конечно, такого не было. Не отрываясь, мы смотрим друг на друга – он провожает меня взглядом, я с трудом отворачиваюсь.

– У вас ведь секта, да? – спрашиваю Инну.

– Дура что ли? – поворачивается она, доброжелательно сверкнув зелеными глазами из под челки. – Мы братья по крови. Избранные.

– Мы – новая раса, – продолжает Дима.

Я предпочитаю смотреть себе под ноги, чтобы мои глаза не выдали, что я думаю по поводу избранности и прочего. В конце концов, они единственные, кто может мне помочь. И с виду безобидные.

– Ева!

Мы подошли к сооружению, напоминающему юрту, от которой раскачивающейся походкой в ореоле пушистых светлых волос к нам направляется долговязый парень. Он вытягивает руки и обнимает меня, при моей «любви» к малознакомым людям это очень напрягает и я тактично выскользываю.

– Ева, дорогая! Как хорошо, что теперь ты с нами!

Я смотрю на Инну.

– Это Василий, наш лидер.

– Очень приятно.

– Располагайся, ты дома теперь. Инна?

– Ну да, пусть пока со мной поживет.

– Твой приход я рассматриваю как знак. У тебя очень символичное имя. Вы не находите, друзья?

У меня такое выражение лица, что хорошо, что они его не видят, увлеченно переглядываясь. Дима смеется.

– О том же подумал.

Инна заинтригованно переводит взгляд с одного на другого.

– Ну да...

Василий радостно смотрит на меня, а я на него, так как мечтаю только об одном – поесть и поспать.

– Сегодня вечером в твою честь мы устраиваем праздник.

«Этого еще не хватало»...

– В мою честь?

– Ты ведь приехала домой, девочка!

Я немного туповато таращусь на него, пытаюсь переварить эту печальную новость.

– Друзья, накормите человека и дайте отдохнуть, она же еле на ногах держится. —Василий делает какой-то загадочный знак рукой, видимо, благословляет и теперь можно уйти. Не успев толком переварить разговор, пройдя буквально пару метров и повернув за угол, мы оказываемся у дома Инны. Она ловко взбегает по крыльцу и открывает дверь.

Мой голодный нос сразу распознает запахи еды.

– Давай сюда.

Минуя небольшой холл, мы попадаем в гостиную-кухню с большим столом и деревянными стульями. Очень чисто и ничего лишнего (за исключением картинок и непонятных символов для привлечения удачи и чего-то еще) – Инна всегда была хозяйственной девушкой. Газовая плита, кран с горячей и холодной водой – даже и не скажешь, что здесь ото-

рваны от цивилизации. Дима привычно усаживается за стол.

– Располагайся, – он указывает на стул напротив.

Стол стремительно заполняется всевозможной едой: картошечка с укропом, рис с овощами, салаты, маринованные грибочки, шарлотка. Дуся жалобно поскуливает, я накладываю все, что она любит, на тарелку (за картошку она родину продаст) – бедолага трескает как год не ела. Дима ждет, пока Инна положит ему еды, а я без всякого стеснения начинаю уплетать все, что находится в пределах досягаемости. Дима размеренно хрустит огурцом, Инна садится рядом с ним.

– Скоро закончат новые дома и переедешь.

Я киваю.

– У нас каждый живет сам по себе, – поясняет Инна, – как ты любишь.

Я снова киваю. Дима что-то достает из кармана брюк. Знаю, что говорить с набитым ртом нехорошо, но обстоятельства требуют поддержать беседу.

– Не ожидала, что к вам так легко попасть.

Дуся, похрюкивая, сбавляет обороты по поглощению пищи и поглядывает в мою сторону, поэтому я не замечаю, как лицо Димы, взглянувшего в этот момент на меня, становится бесстрастно-холодным. Когда я поднимаю к нему глаза, он уже дежурно лучезарно улыбается и подмигивает мне.

– Но не так легко выйти. Держи.

По столу ко мне катится пластиковый браслет, такие обычно выдают в бассейнах или отелях. На браслете над-

пись: «Fourth». Дима встает из-за стола, прихватив пирожок.

– Набирайся сил.

– Спасибо.

Инна задумчиво наблюдает за нами. Надеюсь, она не ревнует, хотя если у нее и есть какие-то чувства к нему, то ей не о чем беспокоиться. Я здесь исключительно по делу и задерживаться не собираюсь ни на секунду – жизнь моей семьи в опасности. Когда мы будем вместе, то точно не примкнем к радужным людям: жить бок о бок с фанатиками и по их надуманным законам больше смахивает на добровольное заточение в лагере для особо важных военнопленных или ссыльных.

Этот вечер обещает быть долгим, к сожалению. Центральная площадь заполнена четвертыми, все общаются, развлекаются. Здесь не меньше тысячи человек! Горят цветные огни, по периметру зажжены свечи в узорных стеклянных подсвечниках, кто-то читает мантры, кто-то играет на гитаре, стройная босая девушка танцует, собрав вокруг глазееущих. К нам с Инной то и дело подходят люди, чтобы со мной познакомиться. Социопат (это я) перерос стадию паники и строит планы, как отсюда улизнуть.

– Это все обязательно?

– Слушай, псих-одиночка, у нас есть правила, в честь новенького всегда устраивают праздник.

– Я по делу здесь.

– Время покажет.

– Инна.

Она протягивает мне бутылку с какой-то жидкостью.

– Я не пью.

– Лучше выпей, тебе это точно пригодится.

Что-то в ее голосе убеждает меня, в этот момент на помост-сцену поднимается Василий. «Началось»... Я залпом глотаю безвкусную, обжигающую горло жидкость – дрянь какая, тем не менее продолжаю пить, Инна с уважением наблюдает за мной. «Это просто необходимо». Василий что-то

вещает со сцены, в голове начинает приятно шуметь, и вся эта вечеринка становится уже не такой раздражающей.

– С каждым днем нас больше, – доносится со сцены.

«Одним глотком тут не отделаешься».

– Мы люди нового мира – избранные Вселенной!

«В этом есть резон», – поддерживая царящую вокруг эйфорию, комментирует мое изрядно опьяневшее я.

– Ладно, фрэнд, дай и мне тоже.

Инна берет бутылку.

– А у вас здесь неплохо!

– То ли еще будет.

– Ева! Поднимись ко мне. Все встречаем Еву!

Под многоголосый приветственный хор я бреду на сцену, проклиная эту дурацкую общину с ее дурацкими правилами и тем, что я здесь вынуждена находиться.

Василий помогает мне подняться. Мне вдруг становится так хорошо и весело и все вокруг такие милые и чудесные.

– Будущее новой расы человечества, Ева!

Василий просто душка. Как же здорово, что я здесь очутилась, меня все так тут любят. Алкоголь окончательно поработил мое сознание.

– Люди, вы прекрасны! – кричу я.

Площадь взрывается криками. Василий опять лезет обниматься, но в этот раз объятия доставляют мне огромную радость.

Спрыгнув со сцены, бегу к Инне и обнимаю ее.

– У вас тут так круто! – язык при этом жутко заплетается, щеки пылают, глаза горят.

– Я тебе говорила, а ты все псих-одиночка...

– Когда на глазах гибнет город, убеждения меняются.

И я действительно в это верю и сейчас именно так и думаю. До тех пор, пока наконец из меня не выйдет этот чертов алкоголь!

Несмотря на проблески адекватности, я забираю у Инны бутылку и, попивая из горла, отправляюсь гулять по ночному поселку. Ухмыляясь, Инна провожает меня взглядом.

Между домов проложены присыпанные гравием дорожки, у каждого дома свой фонарь, мягко освещающий улочки. Воздух, напоенный лесными ароматами, пьянит едва ли не больше, чем алкоголь. Я задираю голову, любуясь усеянным мириадами ярчайших звезд небом. Но в таком положении и в моем состоянии сохранить равновесие почти невозможно и я теряю устойчивость – от падения спасает неведомо откуда взявшийся Дима.

– Держу тебя.

– Ох, спасибо, никогда так не отдыхала. Ик! И столько не пила...

– Ты не похожа на убежденного социопата, как тебя описывала Инна.

– По факту, сейчас ты имеешь дело не со мной, а моим пьяным альтер-эго. А лично я не отказываюсь от убеждения, что человек человеку волк.

– Попробуем тебя разубедить.

Тут я обнаруживаю, что Дима продолжает поддерживать меня, плотно сомкнув в кольцо своих рук. И мне это даже приятно... «Боже, надо же так напиться». Ослепительно улыбаясь, он смотрит на меня и с каждым мгновением его лицо все ближе к моему. Но романтическая пауза обмена взглядами продолжается лишь секунды и прерывается полным отчаяния мужским криком.

– Нет!

Немного заторможено я поворачиваюсь в сторону дома, где горит одно окно. На крыльце появляется мужской силуэт.

– Что случилось?

– Кому-то кошмар приснился.

– Но...

– Все в порядке. Я проверю и завтра тебе расскажу. Хорошо?

Он ласково гладит меня по спине. В голове все шумит.

– Да, но...

– Иди туда.

Он показывает в направлении освещенной улочки.

– За тем домом повернешь налево.

Я икаю, меня штормит и начинает мутить то ли от Димы, то ли от алкоголя.

– Все, беги.

Мне остро необходимо как можно скорее добраться до дома. Собрав волю в кулак, ядвигаюсь в указанном направлении.

нии. Дима смотрит мне вслед и быстрым шагом идет к дому, где кричали. Пару раз на ходу оглядывается, но меня сейчас не волнует вообще ничего, кроме приближающейся тошноты.

8

Я безнадежно оглядываюсь в поисках дома Инны, но все дома кажутся одинаковыми. Голова кружится, тошнота достигает своего апогея.

– Блин. Мутит-то как.

Я оглядываюсь по сторонам.

Не успела.

– Нет...

Закрыв рот ладонью, я врываюсь в ближайшие кусты.

Штормить стало гораздо меньше, отмечает мое посвежевшее сознание. Ноги по-прежнему держат не твердо и приходится идти, нелепо вытянув руки для баланса. С площади доносятся веселые крики, судя по всему, там начались танцы – четвертые умеют развлекаться. Крик неизвестного мужчины по-прежнему стоит у меня в ушах, к сожалению, я с детства отличалась неодолимым любопытством. «Поверю я, что от кошмаров так орут».

Наконец, я оказываюсь на пяточке, откуда отлично видно дом с одиноко светящим окном. Любопытно. Любопытство вытесняет оставшиеся пары алкоголя, и я делаю уверенный шаг по направлению к дому.

Кто-то нападает на меня сзади и, закрыв рот своей ладонью, тащит за стену одного из домов. Я мычу, трясую ногами – «что за ерунда?!».

В моем случае испуг и ярость не лишают сил, а наоборот, прибавляют. В меня как бес вселился, с таким остервенением я пытаюсь вырваться из держащих меня рук. Мычу как можно громче, но рот зажали прочно.

– Успокойся и слушай.

Вот негодяй, советы раздает. Я бунтую еще сильнее.

– Слушай меня!

Я замираю, в его голосе слышится металл, и приказ инстинктивно заставляет подчиниться.

– Уберу руку, если заорешь – погубишь нас обоих. Но я выпутаюсь, а ты нет.

Поразительная самоуверенность. Посмотрим. Я не двигаюсь.

– Я убираю руку.

И он действительно освобождает меня. Резко развернувшись, узнаю Блондина с серьезным лицом и обескураженно замираю, но лишь на мгновенье.

– Ты кто такой?

– Алекс.

Тут моя злость вырывается наружу, и я от души влепляю ему пощечину.

– Какого черта?

Алекс не отвечает и, потирая щеку, выглядывает за угол дома.

– Все русские имена разобрали к твоему рождению?

– Не кричи.

– Что там происходит?

– Тебе что с того?

– Я слышала крик.

– Я в курсе.

Вот это новость...

– Следишь за мной?

– Не за тобой.

Мы пристально смотрим друг на друга. Почему-то я не испытываю к нему недоверия и злости. Он не похож на тех четвертых, что я видела, сам по себе: как бы внутри общины, но по-настоящему – за ее пределами. В нем чувствуются внутренняя грусть и одиночество и одновременно сила, он настоящий и... у меня нет желания скорее избавиться от его общества. Ладно, довольно гляделок, я поворачиваюсь в сторону дома.

– Даже и не думай.

– Это еще почему? Сам ведь пойдешь.

– Нет. Не лезь в это.

– А тебе значит можно?

– Мне нужно.

Я отворачиваюсь, похоже, лучше действительно уйти.

– Будь внимательнее.

– С чем?

– С людьми.

– Ты ничего не хочешь мне рассказать?

– Так будет лучше. Приехала развлекаться, развлекайся.

– Ты понятия не имеешь, зачем я приехала!

– Забудь обо всем.

Он смотрит мне в глаза и отворачивается.

– И о том, что меня видела. Иди на вечеринку, чтобы они думали, что у тебя все из головы вылетело.

Мне обидно. Оказывается, очень неприятно, когда ты прикасаешься к тайне, но тебе ничего не расскажут, потому что не доверяют. Хотя, если объективно, с чего ему мне доверять? Я разворачиваюсь и ухожу.

– Так будет лучше, – говорит он вслед.

Ничего не меняется, большая часть человечества погибла, но это не отразилось на оставшихся. Продолжаются интриги, самоуправство, все, что было, – будет всегда. Пока существуют люди, окружающий мир может измениться, но только не прогнившее насквозь человеческое общество.

9

Утром, обозревая необъятные просторы «Радуги», я узнала, что поселение занимает несколько сот гектар! Постоянно живет здесь около трех тысяч человек, но ожидается, что прибудет еще примерно столько таких же, как я, тех, кто не верил. Здесь развито сельское хозяйство – огромные поля засеяны картошкой, морковкой и вообще всем, что растет в земле. На территории выращивают пшеницу, крупы и разные травы, пригодные в пищу. Целый квадрат отведен на парники. Тут же и скотное, где живут коровы, козы и куры, рядом с ним сыроварня. Четвертые в основном умеренные вегетарианцы (позволяют себе яйца и молочные продукты), за редким исключением в виде пары сотен человек, кто ест рыбу. Но мясо и птица в качестве пищи здесь категорически запрещены – как пережитый атавизм погибшего от собственной жестокости мира.

Немного на отшибе в уединении деревьев расположился просторный Йога-центр, также здесь и огромная баня с парилкой. Есть школа и центр детского творчества. В поселке централизованное водоснабжение, электричество от солнечных батарей и ветряков. Хлипкие дома, которые встретили меня на входе, оказались складами пакетов ПП (первой помощи) на случай, если что-то произойдет и придется экстренно покидать поселение. На окраине поселка установле-

на печь для утилизации мусора и цех для его переработки.

Это все я узнала от Василия, юрта которого состоит из одной просторной комнаты, а сам хозяин предпочитает сидеть на полу в центре в позе лотоса и медитировать. Вокруг нас дымятся благовония, Василий отрешен и совершенно не разделяет моего стремления спасти родных и тем более не готов в этом помогать. Дуся от обилия запахов вертит головой в разные стороны и ходит, нюхает – исследует.

– Ева, выброси это из головы.

– Это мои родители, я должна им помочь!

– Это, безусловно, поразительный феномен, что у вас вся семья с четвертой группой крови. Но ты никому ничего не должна. И у нас нет службы спасения. И нам нет дела до внешнего мира. У них свой путь, а у тебя свой. Если Вселенной будет угодно, с ними все будет хорошо, от тебя ничего не зависит.

Дуська в этот момент утыкается своим холодным пяточком в голую пятку Василия. Он радостно взвизгивает и берет ее на руки. Дуся не против и виляет хвостиком – она очень общительная.

– Ну, до чего же милый мини-пиг! Надо будет раздобыть парочку, чтобы вид не пропал.

– Это микро-пиг.

– А какая между ними разница?

– Семь килограмм.

Василий, блаженно улыбаясь, возвращает Дусю на землю,

и та забирается мне на колени.

– У меня маленькая сестренка здесь в области. Мне нужно с кем-то съездить и найти ее.

– Ева, дорогая, это совершенно у нас не приветствуется! Оставьте их уже в покое, сами разберутся!

– Ей семь лет!

– Мы не деремся за каждого четвертого. И у нас свои правила, тебе следует их знать.

Взяв Дусю на руки, я разъяренно выбегаю на улицу – похоже, принцип взаимопомощи погиб вместе с миром. Лишний раз убеждаюсь, что рассчитывать можно только на себя. У них много машин – здесь целый автопарк, нужно лишь угнать одну. Вопрос в том, как вывезти машину из обнесенного забором поселения, чтобы никто не заметил?

Пытаясь разгадать этот ребус, я обхожу дом Инны, чтобы подойти к крыльцу. Из открытого окна доносятся голоса Инны и Димы.

– Вчера она кое-что видела.

– Что?

– Тебя это не касается. Наблюдай за ней, если начнет задавать вопросы, сообщи мне.

– Я не въезжаю, что она могла такого увидеть?

– Это личная, закрытая информация руководителей. Не забывай о субординации.

– Извини, поняла.

Похоже, придется обойтись без машины, нужно уходить

отсюда и как можно скорее. Каждую секунду, что я теряю здесь, жизнь Леси подвергается опасности!

Хотя один вариант придется отработать. Ничего не поделаешь, мы, можно сказать, повязаны, хотя и это не оправдывает того, что я сейчас буду подглядывать и, возможно, шантажировать.

Облокотившись о подоконник окна Алекса (вчерашнего серьезного Блондина), я довольно бестактно подглядываю за ним в его комнате. У Алекса очень спортивное тело. Он куда-то собирается, тянется к футболке, что лежит на кровати, но вместо этого лезет под матрас, достает пистолет (почему-то я не удивлена) и засовывает его за ремень джинсов. Я бесстрастно взираю на эти манипуляциями из открытого окна.

– Ты довольно беспечен, имея такие вещи.

Он резко разворачивается и так жестко смотрит, что мне становится не по себе. Но он – мой последний шанс, и я без приглашения запрыгиваю в комнату, Дуся высовывает любопытную мордочку из-за пазухи.

– Мне нужна твоя помощь.

– У меня нет возможности.

– Мне не к кому обратиться. Одна я не справлюсь и у меня мало времени! За мной следят теперь! И (тут я иду ва-банк) если ты мне не поможешь, я им все расскажу!

– Ты подставишь нас обоих. Во-первых. И во-вторых, лишишь того человека шанса.

– Мне все равно. Я должна помочь родным. Спасти сестру! Ты здесь не просто так, я помогу тебе, а ты мне. И... у тебя нет выбора.

– Идем.

Быстрым шагом он выходит из дома, мне остается только и успевать за ним.

Судя по всему, мы удаляемся от центра поселка – прямая тропинка проложена через редколесье вдоль домов. Но даже здесь нас умудряется заметить Инна, направляющаяся по своим делам, хрустя сырой картошкой. Дуся привычно устроилась у меня за спиной в капюшоне. Уже совсем скоро она перестанет туда помещаться, детство коротко, что у людей, что у животных.

– Его привезли пару дней назад. Накачивают какой-то дрянью. Никто в общине о нем не знает.

– Кто он?

Его взгляд красноречивее любого ответа.

– Ладно.

– Пока он еще не стал овощем, я должен его вытащить.

– Когда?

– Сегодня.

– Отлично. Потом едем за сестрой.

Алекс как то странно смотрит на меня. Мне не удастся идентифицировать значение его взгляда. Наверное, он мне еще не верит.

...Тем временем Инна встречается на Центральной площади с Димой, в ее руке наполовину съеденная картофелина.

– Как она?

– Не знаю, пока не появлялась.

Дима мрачно оглядывается по сторонам. Он как всегда безукоризненно выбрит и опрятно одет.

– Видела ее с Алексом.

– Мы в России.

– Он сам себя так называет.

– Значит перестанет.

Он резко разворачивается и уходит.

...Переговорив, мы с Алексом вернулись в поселок. Пора расходиться, меня переполняет нетерпение, желание как можно скорее выбраться отсюда. Наконец я начну действовать – у меня появился шанс и... помощь.

– До вечера будь дома. Придумай что-нибудь для Инны.

Он протягивает мне крошечный сверток.

– Снотворное.

– До встречи.

Я уйду, Алекс провожает меня взглядом. Его доверие нужно заслужить, я понимаю. У нас одна цель – скорее покинуть это «уютное» местечко утопичного общества, хотя причины разные.

11

Я сильно волнуюсь. Никогда раньше не врала и не использовала людей. Но справедливости ради стоит заметить, что никогда раньше на кону не стояла жизнь моей семьи.

Поэтому сегодня я приготовила ужин. Первый раз в жиз-

ни. Вспомнила все, что умела, чему учили и расстаралась. Зажгла свечи из белого воска, положила белую скатерть (попросила в отделе выдачи инвентаря, здесь такой имеется, там есть все, что нужно), красиво сервировала стол.

Блюдо с нарезанными фруктами; овощная тарелка; салат из редиски с огурчиком, обильно посыпанный укропом; вегетарианский вариант оливье; салатик из хрустящей капусты и морковки с тонко нашинкованным яблоком и соусом из клюквы с сахаром. На горячее: тушеная в ароматной кинзе фасоль с томатами и картофель гратен, запеченный с сыром в оправе легкого аромата печеного чесночка. На сладкое я ограничилась двумя позициями: блинчики с начинкой из воздушно взбитого творога, начиненного землянично-клубничным вареньем и печеные с корицей яблоки в сладком сиропе.

Не знаю, на сколько все это вышло съедобно, так как мне кусок в горло не лезет. А Дима с Инной с энтузиазмом жуют, запивая охлажденным морсом из лесных ягод и домашним вином. Сквозь огонь свечи Дима смотрит на меня и улыбается, я стараюсь не смотреть ему в глаза.

– Ты отлично готовишь.

– Это стоило мне прогулок в детстве.

Мы с Инной переглядываемся, вспомнив, как весь двор под вечер выходил играть, а меня мама готовила к будущей семейной жизни.

– Я это помню! – она отрезает кусочек гратена и, блажен-

но улыбаясь, кладет его в рот. – Ева, идем гулять! Не могу, блины печь учат. Но это того стоило!

Мы весело смеемся, но беспокойство быстро охлаждает меня. Дима разливает вино, я едва успеваю накрыть ладонью свой бокал.

– Я пас. После вчерашнего больше ни за что.

Он улыбается, но смотрит внимательно. Мне не по себе. Неужели что-то подозревает?

– Перебрала? – Инна большими глотками запивает морсом еду.

– Да уж. Не помню, как дома оказалась.

– Освоилась здесь? – непринужденно спрашивает Дима. Если бы не случайно услышанный их с Инной разговор, я бы решила, что он действительно обо мне беспокоится.

– Да, мне нравится, – как можно убедительнее отвечаю я.

Не могу же я сказать, что мне тошно находится в этой «общине», слушать их разговоры об избранности, что это система без будущего. Мне нет до них дела, и я упорно избегаю Диминого взгляда.

– Думаю, ты что-то не договариваешь.

Я даже не испугалась, мне нечего скрывать.

– За сестру волнуюсь, – смело смотрю ему в глаза.

– Давай съездим за ней.

Вилка выскальзывает из моей руки и со звоном падает на пол.

– Ты... Можешь?

Дима встает, поднимает ее и протягивает мне:

– Конечно.

Я совершенно сбита с толку. К чему наш с Алексом план и похищение, если Дима...

– Но Василий сказал...

Дима с Инной снисходительно улыбаются, глядя на меня.

– Не думай об этом.

В его словах столько уверенности и убежденности в своих возможностях. Я в раздрае.

– Девочки, мне пора.

– Гуд бай, босс.

Уходя, Дима легко дотрагивается до моего плеча, я замечаю, что Инне это не нравится.

– Завтра решим, когда поедем за сестрой, – говорит он мне.

– Спасибо.

Отвечаю чисто механически. Мне сложно понять его мотивацию, может, это просто способ меня контролировать?

Мы с Инной убираем со стола, я задуваю свечи, по-прежнему в своих раздумьях. Дима может помочь с Лесей, но при этом есть человек, который по его вине страдает. А если так и нужно? Если Алекс не прав? И тот человек совсем не безопасен? Но тогда почему они это так скрывают? Но все же... Лесю можно вытащить без чьих-либо похищений. Хотя, еще вопрос, могу ли я доверять Алексу, что он не бросит меня, когда я помогу ему выкрасть того мужчину? Боже, и что же

делать? Инна наблюдает за мной, мы выросли вместе – я для нее как открытая книга.

– Все нормально?

– Дима реально может помочь?

– Ты так и не поняла?

– Что?

– Он здесь главный.

– А Василий?

– Не тупи.

– Ин, я должна найти родителей. Папа...

Инна безнадежно зевает.

– Слушай, ты мой фрэнд, но с родителями тебе рассчитывать не на кого. И тебе стоит относиться к этому по другому, но если ты сейчас уйдешь, назад уже не примут. Здесь вам с Лесей будет безопасно. Ну и Дима на тебя глаз положил.

– Я заметила, тебе это не по душе.

– Фигня. Все равно не мой тип. Блин, че так рубит?

– Я закончу здесь, ты иди.

– Угу.

Боже правый, как мне принять верное решение?

Я не склонна рефлексировать: если приняла решение, не буду мучиться, верное оно или нет, главное – действовать, а будущее расставит все по местам и само оценит мой выбор.

В кромешной тьме мы бы, наверное, давно обо что-нибудь споткнулись или что-нибудь сломали, но на наше счастье светит полная луна. Кажется, она занимает полнеба и освещает мир теплым, апельсиново-желтым светом. При таком свете чувство опасности притупляется, как и чувство тревоги, – холодный белый свет подошел бы нашей ситуации больше. В поселке не горит ни огонька и стоит гробовая тишина, поэтому мне кажется, мы грохочем, как грузовик с металлоломом.

Похищение прошло совершенно буднично и без препятствий. Обычно к двенадцати ночи весь поселок спит глубоким сном, так как здесь принято вставать не позже шести – семи утра и трудиться на благо общины (это и земледелие, и в целом все, что обеспечивает ее жизнедеятельность, плюс школьно-образовательную, просветительскую, социальную и культурную жизнь). После часа ночи Алекс зашел проведать ребят в тот дом и угостил пивом со снотворным. Дима и Василий к этому моменту уже спали. Дима по причине снотворного, Василий по причине обилия трав и благовоний, которыми он злоупотребляет. Дождав-

шись условного сигнала, я вошла в дом, и мы вытащили оттуда бессознательного пленника. Он, к нашему огорчению, оказался очень крупным и тяжелым, поэтому пришлось импровизировать и загрузить его в садовую тележку на колесах.

Вся техника здесь или новая или в отличном состоянии, поэтому тележка бесшумно катится по тропинке вдоль забора, ведущей к задней оконечности поселка. Мы с Алексом толкаем ее вместе, так и быстрее, и легче. Я не стала брать с собой почти ничего, кроме рюкзака с самыми необходимыми вещами (телефон, спички, сухари).

– Не тяжело?

– Я в порядке.

Внезапно меня «осеняет», и я резко останавливаюсь.

– Что случилось?

– А какой у нас план? Ворота же в другой стороне.

Алекс искренне улыбается, видно, его очень позабавил мой вопрос.

– А мы через них не пойдём.

Он толкает тележку, но я остаюсь на месте, он оглядывается.

– Ты считаешь, что и сейчас мне ничего знать не полагается? До сих пор не доверяешь?

– Вовсе нет. Сейчас ты сама все увидишь.

Я стою на месте.

– Идем со мной.

Я не двигаюсь, Алекс отворачивается и уходит. Действи-

тельно, глупо уже капризничать. «Коготок увяз – всей птичке пропасть». Я догоняю Алекса, и мы вместе толкаем тележку, стараясь, правда, при этом не смотреть друг на друга. Те еще сподвижники: одна от безвыходности, другой посредством шантажа. Вдалеке ровными рядами стоят ветряки, ветра нет и их лопасти недвижимы.

В паре метров от нас забор обрывается.

– Поворачиваем.

Алекс направляется ближе к границе поселка, здесь земля не утоптана и очень рыхлая, поэтому катить телегу стало вдвое тяжелей. Забор кончился, но от него и дальше по периметру территорию огораживает колючая проволока в четыре ряда! Хорошо, еще ток туда не провели.

– Приехали, – Алекс опускает телегу.

Наш путь ведет к редким кустам, что растут вдоль проволоки, ветки тяжелые от ягод поспевшей черники. Так и тянет полакомиться! За кустами, примерно на метр над землей, проволока поднята и прочно удерживается на двух толстых брусках. «Ок, неплохо».

Мы, не сговариваясь, поворачиваем и вытаскиваем мужчину из телеги, я читала в интернете, что вес человека без сознания вдвое больше обычного. Это правда.

Алекс первый пролезает под проволокой, ложится на землю и берет мужчину за руки, я поднимаю его за ноги. Какой же он тяжелый! И он не поблагодарит нас, увидев потом состояние своей одежды!

Пытаясь встать ровнее, я, не заметив, наступаю в небольшую ямку и, охнув, падаю.

– Ты в порядке?

– Все хорошо, прости.

– Осталось чуть-чуть совсем. Справишься?

– Да, конечно.

Я встаю, подхватив ноги похищенного. Алекс держит его за руки и ждет, когда я буду готова. У меня почти не осталось сил после этого бесконечного и нервного дня, после самого напряженного ужина в жизни, но я киваю и... мы проталкиваем его.

– Иди ко мне.

Я перебираюсь к Алексу, и с грехом пополам мы вытягиваем мужчину из-под проволоки. Все. Мы по ту сторону поселка. Мы выбрались. Еще и человека прихватили. Осталось унести отсюда ноги.

Я устало сажусь на землю. Алекс присаживается рядом, от него идут легко улавливаемые волны тепла и поддержки.

– В паре метров отсюда я замаскировал машину. Ты отдыхай, я расчищу и поедем.

Он подхватывает мужчину, чтобы перенести того к машине, но я не кисейная барышня и ни за что не буду обузой. Выдохнув, я подбегаю к нему и обхватываю мужчину с другой стороны. Алекс улыбается, не глядя на меня. А у меня открывается второе дыхание.

У него оказался очень серьезный внедорожник, на таком

и в гору, и в реку не страшно. Цвет непонятен, год выпуска раритета тоже, он неправдоподобно огромен и внушает уважение. Похищенного мы легко впихнули на заднее сиденье, и там еще осталось места человек на пять.

– Готова?

Я киваю. И тут меня обдает холодный пот, ноги становятся ватными.

Подбежавший Алекс поддерживает меня. Господи, как я могла?

– Ева.

Голова кружится.

– Посмотри на меня. Посмотри на меня.

Я смотрю на него и беру себя в руки. Дусенька... Я отхожу от Алекса.

– Прости. Я не могу с тобой дальше.

– Что случилось?

Развернувшись, я механически, как робот, иду к проволоке, Алекс догоняет меня. Вот так все в один миг может рухнуть. Я – самый нелепый человек во Вселенной, своими руками лишить себя шанса ехать за сестрой!

– Дусю забыла, ей тоже достался морс со снотворным.

– Кто это?

Мы стоим друг напротив друга, лицо Алекса невозмутимо, но в глазах удивление и... тревога.

– Мой самый близкий друг!

Чувствую, сейчас разрыдаюсь безумно.

– Мой макро-пиг.

Алекс невозмутимо обходит меня и идет к проволоке.

– Друзей не бросают.

Он перебирается на другую сторону и энергично направляется к поселку. Я стою как вкопанная. Алекс оборачивается и разводит руками, олицетворяя собой ожившую аллереорию фразы «В чем дело? Чего тупишь?» Вот так запросто бросает машину, человека, из-за которого мы рисковали, и идет выручать мою хрюшку?! Так бывает?

Стараясь держаться ближе к кустам, мы приближаемся к дому Инны. Алекс впереди, я за ним, как будто всегда так и было, я безотчетно принимаю его лидерство. Нас сопровождает лишь ироничный взгляд Луны и холодный шепот мерцающих звезд. Вдруг на полном шагу Алекс останавливается, разворачивается и, закрыв мне рот ладонью, затаскивает меня в кусты. В этот раз я не брыкаюсь, но какого черта он мне все время рот закрывает?!

Мимо нас неторопливо и чинно, взявшись за ручки, проходят мальчик и девочка лет двенадцати. Мальчик, поэтично жестикулируя, рассказывает свой спутнице о влиянии лунного света на развитие творческих способностей у людей и рост планктона (?!), а затем и вовсе углубляется в пересказ какой-то греческой легенды на эту тему. Девочка восторженно смотрит на него. Значит, это не звезды шептались, понимаю я, глядя на удаляющихся детей. Интересно, это у них в порядке вещей, в таком возрасте расхаживать в три ночи и

патетично вести беседы?

– У тебя наблюдается пугающая закономерность утаскивать меня куда-нибудь, закрыв при этом рот, – язвительно замечаю я.

Алекс смущенно поправляет волосы и покидает кусты, ничего не ответив.

Дальнейший путь проходит без приключений, и мы оказываемся у дома Инны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.